

Биар Л.

ЦАРЬ СТЕПЕЙ
ASPERGILLUM LYDIANUM

КЛАССИКА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
РОМАНА

Классика приключенческого романа

Люсьен Биар

**Царь степей. Aspergillum
Lydianum (сборник)**

«Алгоритм»

1883

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фр)

Биар Л.

Царь степей. *Aspergillum Lydianum* (сборник) / Л. Биар —
«Алгоритм», 1883 — (Классика приключенческого романа)

ISBN 978-5-486-03524-1

Люсьен Биар (1829–1897) – французский писатель, автор приключенческих романов. Русский читатель давно знаком с его творчеством – еще в конце XIX века в России были изданы романы Биара «Приключения молодого натуралиста», «Капитана» и «Проводы друга: невольное странствие по белому свету». В данном томе представлены два произведения Биара. В романе «Царь степей» описаны приключения пассажиров шхуны, потерпевших крушение у берегов Мексики. Будущие строители Панамского канала были захвачены индейским вождем Тейтли, за свою неустрашимость и ненависть к бледнолицым прозванным Царем степей. Но необычайные обстоятельства помешали его планам принести своих пленников в жертву грозному богу Тецкатлипоке... Рассказ «*Aspergillum Lydianum*» повествует о благородстве и самопожертвовании – лучших свойствах человеческого характера, способных проявляться в минуту наивысшей опасности.

УДК 821.133.1

ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-486-03524-1

© Биар Л., 1883

© Алгоритм, 1883

Содержание

Царь степей	5
Глава I	5
Глава II	11
Глава III	17
Глава IV	22
Глава V	28
Глава VI	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Люсьен Биар

Царь степей

Царь степей

Глава I

Мицтека

Первый европеец после открытия Америки, увидев Тихий океан, называемый также Великим океаном, был Васко Нунец де Бальбас. С вершины горы на Панамском перешейке в 1513 году этот отважный испанский офицер увидел необычный океан, о существовании которого до того времени только подозревали, но никто из европейцев его не видел. Шесть лет спустя португалец Магеллан, бывший начальником экспедиции, посланной Карлом V на Молуккские острова, решил искать кратчайший путь к югу материка Америки, вместо того, чтобы следовать обычным путем, огибая мыс Доброй Надежды. 20 октября 1520 года отважный моряк вошел в опасный пролив, названный его именем, и вышел в необъятный океан, тогда еще неизвестный, дав ему название: Тихий океан вследствие того, что во время путешествия погода была всегда тихая и спокойная. Магеллану не удалось достигнуть цели своего путешествия, так как он был убит, сражаясь с туземцами острова Зебу, принадлежавшего к группе Филиппинских островов. Однако Магеллан успел уже так много сделать, что вполне прославил свое имя.

Со всей восточной стороны, то есть с той, которой он омывает берега Мексики, Тихий океан образует различные части. Между Старой и Новой Калифорнией он создает Калифорнийское море, или залив Кортеца; немного более к югу, против берегов Страны мицтеков и сапотек, ныне составляющих провинцию Оаяка. Часть этого же океана не только туземцами, но и географически называется Тегуантепекским морем. Там, вследствие еще весьма мало исследованных ветров, внезапно возникающие бури делают мореплавание трудным и опасным. Даже в летние месяцы Тихий океан отличается грозными капризами, и от них жестоко достается тем, кто доверяется его голубым волнам.

Мицтека и Сапотека представляют собой гористую местность, покрытую восхитительной растительностью, только за исключением северной части, где тянутся обширные степи. Колыбель цивилизации тропической Америки, эта страна изобилует древними развалинами, среди которых особое внимание обращают дворцы или гробницы Митла. Мицтека доставляет торговое золото, кошениль и индиго. Эта одна из самых здоровых местностей Мексики, и обитающие ее индейцы настолько же кротки, миролюбивы и промышленны, насколько жестоки и мстительны их другие соотечественники, являющиеся врагами всякой цивилизации.

Утром 10 ноября 1847 года хорошенькая шхуна, пользуясь благоприятным ветром, огибала узкую песчаную полосу, окаймляющую почти весь берег провинции Оаяка, и, по-видимому, плыла по направлению к устью реки Тегуантепек, отклоняющемуся на шестьдесят миль. Шхуна была на таком дальнем расстоянии от берега, что возможно было только различить темное очертание ее корпуса и белые паруса; однако о том, что маленькое судно отличалось превосходным ходом, можно было судить по тому, что оно очень быстро приближалось к скале, одиноко торчавшей среди моря и напоминавшей как бы чудовищную пададь, вокруг которой кружились морские чайки.

В это же самое время, в том же самом направлении, как и легкое судно, скакали у самого берега моря четыре всадника, вооруженные с ног до головы. На берегу, беспрестанно смачиваемому плескавшими волнами, почва была удобнее ногам лошадей, нежели пыльная почва степи, широко тянувшейся вдаль и терявшейся в туманном горизонте отдаленных гор на краю Гинеты.

Параллельное движение шхуны и индейцев было только случайное, в чем убеждало то, что всадники даже не смотрели на море и никакого внимания на шхуну не обращали. Путь, по которому они следовали, не был настолько ровен и гладок, чтобы возможно было предоставить полную свободу движению лошадей. Время от времени приходилось перескакивать или объезжать эти громадные кучи крупных раковин, встречаемых почти исключительно у берегов Тихого океана. Среди этих раковин чрезвычайно любят помещаться крабы.

Вдруг лошадь всадника, бывшего во главе отряда, зашаталась, бросилась в сторону, затем круто повернула к морю и грохнулась на мокрый песок у самого прибоя волн. Всадник, которого внезапная остановка лошади могла отбросить вперед, все-таки усидел. В тот момент, когда конь грохнулся на песок, сидевший на нем с изумительной ловкостью, на какую способен только самый опытный наездник цирка, одним прыжком твердо приземлился на ноги. Тотчас подоидя к своему неподвижно лежащему коню, по-видимому, уже бездыханному, он заботливо приподнял тому голову, но сейчас же опустил ее, так как по стеклянному виду глаз убедился, что его верный товарищ пал, задохнувшись от чересчур быстрой езды.

Товарищи всадника, сгоряча проскакавшие мимо в минуту падения коня, повернув обратно, поскакали к нему.

– Ты не ранен, Тейтли? – заботливо и со страхом в голосе спросил один из них.

– Нет, Хоцитл! По счастью, я вовремя заметил, что с моим Замбо происходит нечто странное, и тотчас высвободил ноги из стремян. Мой славный Замбо, – добавил погрузневшим тоном, – вчера он не хотел пить, и я почти предчувствовал, что это несчастье должно с ним приключиться.

Подъехали также и других два индейца; подойдя к коню, они приподнимали ему голову, осматривая его, но никаких сомнений и быть не могло: конь был мертв. Владелец досадливо и нетерпеливо прошелся по берегу, сердито рассекая воздух взмахами хлыста и поглядывая на море. Он приметил шхуну и задумчиво вглядывался в нее, быть может, из любопытства, а скорее просто потому, что хотелось скрыть огорчение, вызванное потерей коня.

Всадник был человеком в полном расцвете лет, мускулистый, статный, высокого роста. Так же, как и на его спутниках, на нем была куртка без рукавов и панталоны: как одно, так и другое из мягкой кожи, обыкновенно употребляемой индейцами *bravos*, то есть упорно нежелающими подчиняться игу цивилизации. Однако куртка мужчины, вместо того, чтобы быть надетой, как носят туземцы, прямо на тело, была надета на фланелевую рубашку голубого цвета: кокетство довольно необычное в диком индейце. Кроме того, ноги его были обуты в полусапожки, и войлочная шляпа до половины прикрывала черты его лица. Он снял шляпу, и вместо густых волос на голове, низкого лба, выдающихся заостренных скул и резко очерченных выступающих несколько вперед челюстей мицтеков, показалось овальное лицо, кожа на котором была не медного цвета, но сильно загоревшая. Лоб был высок, нос орлиный, глаза черные, а борода густая и тщательно расчесанная. Черты лица, поступь, движения, а также коротковато остриженные волосы и цвет кожи представляли собой весьма резкий контраст с его полуцивилизированным одеянием. Что касается облика и одежды его спутников, они, несомненно, доказывали их принадлежность к племени, внешние признаки которого были указаны выше. Несмотря на то что ружья были прикреплены к их седлам, они имели еще перекинутые через плечо лук и колчан, полный стрел. Их волосы, приподнятые вверх и связанные узлом на макушке, служили им обязательным головным убором. Глаза сверкали по сторонам подо-

зрительно и недоверчиво, что составляет безусловно отличительный признак индейцев степей Америки.

Пока эти два индейцы занимались освобождением лошади от седла и сбруи, тот всадник, который с таким беспокойством спрашивал, не ранен ли его товарищ при падении коня, в свою очередь, слез с лошади. Его рост был ниже среднего и представлял резкую противоположность с ростом его товарищей. Все его одеяние было также из мягкой кожи, но расшитое по всем швам узорами из золотых и серебряных нитей, а ноги его были обуты в ботинки со шнурками. Вокруг его шеи было ожерелье из кусочков кораллов вперемежку с громадными жемчужинами, а на руках надето было очень много браслетов. Все эти украшения, а также способ, каким были красными шнурками заплетены волосы, замотанные вокруг головы, несомненно, доказывали, что, несмотря на вполне мужской костюм, всадник принадлежал к женскому полу. Ее кожа прекрасного светло-бронзового, с медным оттенком, цвета обладала блеском старинной флорентийской бронзы, а ее правильные черты лица очаровывали выражением какой-то кроткой задумчивости.

За спиной девушки был лук, а у пояса сбоку охотничий нож с золотой рукояткой. Легким плавным шагом, выказывающим всю прирожденную ей грацию и стройность форм тела, Хоцитл, как назвал ее спутник и что обозначает «цветок прерий», подошла к всаднику, все еще раздосадованному потерей лошади.

– Что же мы теперь будем делать, Тейтли? – спросила она, обнимая его одной рукой.

При этом прикосновении, при звуке этого нежного голоса, Тейтли опомнился; вся задумчивость его мгновенно исчезла, и он ответил быстро и решительно:

– Будем продолжать наш путь. Летаящая Рыба даст мне свою лошадь, а сам сядет за спиной Черного Коршуна. Конечно, мы пойдем несколько медленнее, чем сегодня утром, но все же я надеюсь, что поспеем в то время, и мне возможно будет предводительствовать набегом.

Тейтли говорил со своей подругой по-испански, а Хоцитл передавала его слова на языке ацтеков двум индейцам, занятым в это время уборкой сбруи павшего коня.

– Я вижу, что ты огорчен, – сказала Хоцитл, опираясь на его руку и видя, что Тейтли снова смотрит задумчиво на море.

– Да, милая, я невольно думаю о моем верном Замбо, летящим точно у него были крылья, а теперь он, бедный, лежит недвижим!

– Душа воина обитала в его теле, а теперь она возвратилась к богам! – серьезным тоном сказала девушка.

По религиозным верованиям индейских племен, души воинов, прежде чем вознестись к небу, обитают известное время в телах благородных животных: оленях, быках, лошадях, львах. Между тем, наоборот, души трусов имеют временное пребывание в телах жуков, крабов, змей и прочих животных, причисляемых к нечистым.

Тейтли продолжал пристально всматриваться в судно. Хоцитл спросила его, наивно глядя в глаза:

– Уж не грезится ли тебе, что твой Замбо мчится там по волнам?

– Нет! – слегка улыбнувшись, ответил Тейтли. – Я все смотрю на это судно, обогнувшее уже черную скалу и направляющееся, по-видимому, к Скорпионам, остроконечным подводным камням. Если оно не изменит направление и сегодня вечером будет дуть тегуантепекский ветер, этот корабль неизбежно погибнет.

– Что же? Ты желал бы предупредить их об угрожающей опасности?

– Конечно, нет! – воскликнул Тейтли, и взор его засверкал. – Расположение парусов доказывает, что это европейский корабль. Да, пусть эти варвары, признающие нас за дикарей, усеют берег своими трупами!

Выражение лица Тейтли сделалось жестоким и суровым, даже полным ненависти, и он неистово рассекал воздух хлыстом. Тотчас вслед за тем он подошел к своим спутникам и отдал

им приказания на языке ацтеков. Седло от Замбо он приказал прикрепить к спине лошади, предназначенной для него, и сам подтянул подпругу. Эту работу никогда индейский воин никому не поручает, а всегда выполняет лично, так как в этой непрерывной борьбе с себе подобными людьми или на охоте его жизнь зависит отчасти от прочности и исправности этих ремней. Вслед за тем, осмотрев сплошь покрытое золотыми бляхами и жемчугом сбрую и седло лошади Хоцитл, Тейтли внезапно схватил ее на руки, как маленькую, и, нежно прижав к груди, усадил в седло. Хоцитл, ласково улыбаясь, горячо поцеловала руку Тейтли, снова подошедшего к своему павшему коню. Отбросив ногой крабов, успевших уже почуять добычу, он грустно покачал головой, точно прощаясь со своим верным конем, и вслед за тем мгновенно вскочил в седло. В то же время Летаящая Рыба, несмотря на свои кривые ноги, ловким прыжком сразу вскочил на спину лошади своего товарища, и маленький отряд двинулся вперед, но далеко уже не так быстро, как раньше.

Ни малейшего ветерка не чувствовалось; солнце пекло жестоко, и духота становилась невыносима. Однако, несмотря на это, Тейтли раздражал своего коня, по-видимому, с целью изучить его характер и испытать, насколько он терпелив и послушен. Среднего роста, светло-гнедой масти, как почти все туземные лошади, конь взвился на дыбы, задрожал, озираясь дико по сторонам, но под давлением сильных колен и чуя твердую руку опытного наездника, кроткая природа коня одержала вверх, и он, успокоившись, понесся ровно и спокойно. Иногда Тейтли, точно выведенный из терпения его медленностью, пускал того полным галопом, далеко опережая своих спутников. Однако каждый раз он останавливался и поджидал Летящую Рыбу и Черного Коршуна, так как Хоцитл, следившая за каждым его движением, никогда от него не отставала.

– Почему, – сказал Черный Ястреб, обращаясь к Хоцитл, – Тейтли не хочет скакать безостановочно? Таким образом он мог бы доехать до деревни перед заходом солнца?

– Ну нет! – отвечал Тейтли, повернувшись в седле. – Довольно уже одной непростительной неосторожности. Смерть Замбо уже заставила меня раскаиваться в чрезмерно быстрой езде. Мы теперь почти в неприятельской местности. А так как с одной лошадейю на двоих ты и твой брат могли бы сделаться жертвами одного человека, я хочу, чтобы вы остались в живых.

– Тейтли любит своих сынов, – отвечал Черный Коршун, восхищенным взором глядя на своего предводителя, – а потому его сыны всегда готовы умереть за него.

Хоцитл, как бы желая вознаградить Черного Коршуна за сказанное им, вынула из прически своей золотую булавку с головкой, украшенной жемчужиной и передала ее мужчине со словами:

– Это для твоей дочери Нахуатль.

Вероятно, это было очень завидное украшение в глазах индейца, потому что тот со сверкающим от восторга взором, поднял над головой булавку и радостно воскликнул:

– Для Нахуатль!

В течение целых двух часов под горячими лучами солнца спутники только изредка обменивались односложными словами, держась по возможности ближе к берегу моря. Наконец трава в степи стала гуще, и изредка начали попадаться кустарники. Вскоре начали вырисовываться извилистые ветви каменного дерева, и слышались резкие звуки стрекозы. Местность стала возвышеннее, неровнее, и вскоре всадники были уже отделены от необъятной сухой равнины рощицей на значительном возвышении. Наконец они достигли опушки леса, где находилась особая порода деревьев с громадными корнями, распространявшимися до самого берега моря.

Все изменилось. Почва была совершенно иного рода. Всюду встречались желтые и голубые цветки, и несколько пород птиц кружились вокруг кустарников. Вдруг как раз напротив всадников поднялось густое облако пыли и быстро стало надвигаться на них. Не было ни малейшего ветерка; всадники остановили своих лошадей и всматривались в горизонт.

- Это убегает дикий буйвол! – сказал Тейтли, отпустив поводя и двинув лошадь вперед.
- Погоди! Его преследуют! – вскричала Хоцитл.
- Преследует ягуар?
- Нет! За ним гонятся охотники, – возразила молодая женщина.

Тейтли поднялся на стременах. Его жена не ошибалась. Действительно, два всадника в пятидесяти метрах один от другого размахивали лассо над своими головами и скакали за обезумевшим животным. Тейтли снял седло со спины лошади, спустив его быстро на траву, и затем приблизился к стираксу (дерево – рослый ладан) с очень густой листвой.

– Полезай туда, – сказал он Летящему Змею, показывая на широкие ветви дерева, – и тщательно спрячься в листве.

Индеец с ловкостью обезьяны миглом взобрался на дерево. Ему передали ружье, и тотчас же Тейтли, Черный Коршун и Хоцитл изготовили свои карабины. Защищенные кустарниками, они готовились стрелять в случае необходимости. Буйвол бежал по направлению к индейцам, и, несмотря на то, что охотники перестали его преследовать, он с большим беспокойством продвигался вперед. По всей вероятности, они его загнали в засаду. И действительно, животное внезапно подскочило и остановилось как вкопанное. Подняв голову, буйвол огляделся вокруг себя и вслед за тем отчаянно вскрикнул, очевидно раненный. Он сделал несколько шагов к кустарнику, на который он пристально устремил взоры, и бросился на него, опустив рога; через несколько секунд животное упало замертво в двадцати шагах от наших всадников.

Тейтли, вскочив с лошади, подполз к буйволу, уже безвредному. Стрела с красными перьями проникла до половины в его грудь около левого плеча. Это излюбленная цель индейских охотников. Тотчас встав на ноги, Тейтли схватил медный рожок, висевший у него на перевязи через плечо, и издал на нем длинный продолжительный звук. При этом точно из-под земли выросли три охотника.

Два всадника, убившие буйвола, несколько секунд были в нерешительности. Но вскоре, пустив вскачь своих лошадей, подъехали к Тейтли, севшему уже на лошадь. Увидев его, они радостно восклицали, восторженно произнося его имя, и вслед за тем, пригнувшись к шеям своих лошадей, объехали несколько раз вокруг Хоцитл, благодарившую их за оказанный ей почет ласковой улыбкой.

– Разве мир уже заключен, что сыны мои так свободно охотятся в прериях?

– Нет, отец! – отвечал один из мицтеков. – Бог войны еще на алтаре своем, и жрецы каждое утро приносят ему в жертву перепелок. Но в прерии еще спокойно, так как только в двадцати милях от нашей деревни хотят поселиться белые люди.

– Присланные вами ко мне говорили, что эти грабители овладели вашими землями?

– Это верно, отец; они сжигают деревья, а также рубят их и строят себе из них жилища.

– Много ли их?

– Сотня, считая женщин и детей.

– Может, они, по несчастью, узнали, что Черепашья река изобилует золотом?

– Нет, по-видимому, они хотят засеять равнину.

– Надо, чтобы они были мертвы, прежде чем узнают, что громадное сокровище так близко от них – сказал Тейтли глухим голосом. – Но еще кровь не пролилась между ними и вами?

– Нет еще, ваши предводители не хотели на них напасть, не посоветовавшись предварительно с тобой.

– Это хорошо. А где теперь ваши начальники?

– Они в деревне и прислали нас сюда навстречу гонцам, посланным с просьбой о помощи.

– Посланные сопровождают двести человек моего отряда, – отвечал Тейтли, – и придут дня через три. Я поехал, не дожидаясь их сбора, так как опасался, что сыны мои уже сражаются

с бледнолицыми. Через пять дней коршуны будут радоваться: мы приготовим им обильную пищу.

В это время подошли еще и другие индейцы с луками в руках. Услышав последние слова, сказанные Тейтли, они огласили воздух радостными гортанными возгласами и целовали руку Тейтли, который рассказал всем собравшимся о смерти своей лошади и узнал от них, что их явилось около двенадцати человек, что они стали лагерем около ручья, находящегося в полу-миле отсюда. Буйвола разобрали по частям, так как каждый индеец вырезал себе из него ту часть, которая нравилась. Тем временем Тейтли и Хоцитл, оставив пеших с Черным Коршуном и Летающей Рыбой, в сопровождении двух гнавшихся за буйволом всадников поехали крупной рысью к месту привала маленького отряда.

Вскоре въехали в лес, а после получасовой езды очутились на полянке, находившейся на возвышении, с которой видно было все море, располагавшееся рядом всего в двенадцати метрах. Два шалаша из ветвей были уже устроены индейцами. Тейтли и Хоцитл, приветствуемые радостными возгласами мицтеков, гревшихся около костра, несмотря на то, что и без того было очень жарко, слезли с лошадей около этих шалашей.

В то время как индейцы повели лошадей к ручью, протекавшему поблизости и пробившему себе выход к морю под уступом скалы, Тейтли, в сопровождении Хоцитл, подошел к краю пригорка и, взглянув на море, вскрикнул от изумления. Маленькое судно, замеченное им несколько часов перед этим, было уже только в расстоянии мили от берега и стояло неподвижно с опустившимися парусами, так как в воздухе не было ни малейшего ветерка. Поверхность моря вся блестела и искрилась, так как солнце уже заходило и точно заревом громадного пожара осветилась часть моря и весь горизонт. Тейтли пристально всматривался.

– Что с тобой? – спросила Хоцитл, почувствовав, что рука, на которую она опиралась, немного содрогнулась.

– Мы теперь находимся как раз напротив Скорпионов, и целая тысяча незаметных камней скрыта под этой гладкой поверхностью моря, расстилающейся перед нами. Завтра утром весь берег будет усыпан обломками этого корабля, потому что тегуантепекский ветер задует тотчас по заходу солнца.

Возвращаясь к шалашу, Тейтли несколько минут говорил с индейцами, собравшимися около костра, а после того растянулся на траве и, положив голову на седло, уснул. Сидевшая около него Хоцитл подала знак мицтекам не шуметь, чтобы не тревожить сна руководителя. Молодая женщина с любовью всматривалась в лицо мужа, она отгоняла от него насекомых и вместе с тем изредка посматривала на шхуну. Но вдруг она заметила розовое облачко, появившееся на горизонте. Присматриваясь к нему, индианка зашептала:

– Предводитель прав. Тотчас задует тегуантепекский ветер, и люди, находившиеся на этом корабле, сегодня ночью лицом к лицу увидят грозного Тецкатлипоку, повелителя небес.

Глава II

Потерпевшие крушение

Прибытие маленького отряда, оставшегося позади, оживило индейцев, неподвижно сидевших вокруг костра. Они поспешили навстречу показавшимся вдали Черному Коршуну и Летающей Рыбе и приветствовали их с большим почетом, так как оба они были знаменитыми вождями. Каждый из индейцев, вышедших навстречу, один за другим подходили к ним и, схватывая их правую руку, прижимали ее сначала ко лбу своему, а затем к сердцу, с пожеланием, чтобы путь был их усеян розами и свободен от змей.

Черный Коршун и Летающая Рыба были братьями с совершенно одинаковыми чертами лица, одного роста, одного и того же склада и с одним и тем же характером телодвижений. Выражение лиц их было интеллигентное и далеко не такое суровое, даже жестокое, которым отличались дикари Мексики. С первого взгляда невозможно было их отличить одного от другого, тем более что они были совершенно одинаково одеты и вооружены; это объясняется тем, что они были близнецами. Прославившиеся в прериях своим искусством укрощать лошадей, мастерством в метании стрел и в стрельбе, а также известные своей отвагой, братья пользовались полным доверием Тейтли и считались его адъютантами. Летающая Рыба, подвижный и веселый, а Черный Коршун, мрачный и упрямый, бегло говорили на трех великих индейских наречиях: майя, мицтеков и ацтеков и, кроме того, немного говорили по-испански.

Свежее мясо, доставленное охотниками, было передано одному старому индейцу, по всей вероятности, весьма опытному и искусному в поварском деле. Вслед за тем занялись заботами о лошадях. Рассеянные по поляне, с путами на передних ногах, те двигались только скачками, и хотя седел с них не снимали, но разнуздали. Их повели к водопою и там, собирая особый род полыни, в изобилии росшей на берегу ручья, терли листьями этого растения все тело лошадей, чтобы предохранять животных от москитов, комаров и других кровососущих. После этих забот о лошадях, братьям была предоставлена полная свобода, и всадники снова возвратились к костру.

Когда Тейтли проснулся, лагерь имел уже довольно оживленный вид. Жареные куски мяса шипели на раскаленных углях, и индейцы носили из ручья воду в тыквенных баклагах. Но все же большинство воинов, как всегда называют себя индейцы степей, сидели вокруг костра и усердно чистили свое оружие. Тетива луков, вся окрашенная яркой краской, по-видимому, представляла предмет особой заботливости. Это потому, что ружье большей частью спокойно укреплено у седла, но лук никогда не покидает плеча воина. Это оружие для диких племен есть оружие по преимуществу. Порох очень редко встречается в таких странах, где не умеют его изготовлять, и возможно его приобретать только тогда, когда отнимут у неприятеля. А потому только в крайних случаях или сражаясь с белыми употребляют свои карабины, большей частью находящиеся в плохом состоянии. Одаренные изумительным терпением, они прибегают к сетям, к капканам, западням для ловли дичи, которой питаются, тем более им необходимой ввиду того, что они весьма редко разводят домашних животных.

Проснувшись, Тейтли поспешил к пригорку. Шхуна, по-прежнему неподвижная, вся озарена была лучом заходящего солнца. Предводитель снова всматривался в небо, ясное и спокойное, как и прежде. Однако на лице его появилась жестокая усмешка, когда он снова возвращался к костру.

При его приближении встречавшиеся ему индейцы низко склонялись перед ним, приложив одну руку к груди и опуская глаза в знак почета. Некоторых из них он расспрашивал о численности белых, вот уже два месяца как рубивших лес, нисколько не беспокоясь о тех, кто признавал себя владельцами леса и степи. На зов Хочитл предводитель направился к одной из хижин, перед которой лежал громадный древесный пень. На нем виднелась золотая тарелка,

наполненная жареным мясом, и две тыквенные бутылки, разрисованные различными красками, из которых в одной находились кукурузные лепешки, а в другой перец. Одно то представлялось уже необычайным, что индеец не ел на земле. Но еще изумительнее было то, что он ел из тарелки, употребляя нож и вилку, как это делал Тейтли. Хоцитл, стоя перед ним, следила за каждым его движением, быстро угадывая и исполняя все его желания.

На почтительном расстоянии от своего предводителя, мицтеки с крайним любопытством на него поглядывали. Невыразимое изумление выражали их лица каждый раз, когда, отрезав кусок, он подносил его ко рту инструментом, редко кому из них известному. Настолько же они изумлялись, видя, что тот пьет во время еды, прежде чем кончить есть, так как такая привычка признавалась ими крайне вредной для здоровья, и от этого тщательно отучали детей с самого раннего возраста. Но, как ни сильно было их изумление, они тщательно его скрывали, оставаясь невозмутимыми, с вполне серьезными лицами и безмолвными. Наконец, Хоцитл подала своему мужу тыквенную бутылку, наполненную густым и крепким кофе, собственноручно приготовленным, и, пока он закуривал трубку резного дерева, изображавшую бобра, Хоцитл, усевшись у ног мужа, в свою очередь, начала обедать. Молодая женщина на золотой тарелке разделяла мясо, но к употреблению вилки не прибегала, а каждый кусочек заворачивала в кукурузную лепешку. Эти лепешки еще тоньше наших вафель, на которые они чрезвычайно похожи по виду, представляют собой единственный хлеб индейцев. Хоцитл, несмотря на то, что ела пальцами, делала это так чисто, аккуратно и грациозно, что Тейтли, по-видимому, любовался ловкими движениями ее пальцев.

Но если ничего не было отвратительно – и даже было красиво, когда ела пальцами эта хорошенькая женщина, – совсем иное дело, когда за еду принялись индейские воины. Присев на корточки вокруг костра, они рвали куски мяса, захваченного всей рукой, и, подобно хищным животным, глотали, почти не разжевывая. Вообще индейский дикарь не обращает ни малейшего внимания на кулинарное искусство, и о нем, безусловно, можно сказать, что он ест только для того, чтобы не умереть с голода.

Ночь наступила. Из далекого леса доносились иногда странные меланхолические крики; подчас они звучали зловеще. Эти разнообразные крики животных, точно жалующихся, точно недовольных исчезновением дневного света, нисколько не тревожили индейцев, к ним с детства привыкших. Еще кое-какие птички щебетали на опушке леса, но и они скоро умолкли, и все затихло, всюду воцарилось мертвенное спокойствие. Тогда Тейтли приказал собрать сухие ветви, и вскоре громадный костер образовался на самом краю пригорка, с которого совершенно беспрепятственно было видно все море. Однако этот костер не зажгли. Вскоре появились громадные летучие мыши, и со стороны моря доносились резкие крики ламантинов, жалобные, как стон отчаяния.

Мицтеки, сидевшие в небольшом расстоянии от костра, устроенного близ опушки леса, рассказывали один за другим о своих подвигах на охоте и на войне. Тейтли, на руку которого опиралась Хоцитл, прогуливался на краю пригорка, изредка останавливаясь и, очевидно, любуясь находившейся перед ним живописной и оригинальной картиной. Все эти люди с почти голыми спинами, с волосами, приподнятыми живописно и связанными на макушке головы, и с медного оттенка кожей, ярко озаренные отблесками, в общем представляли собой очень необычайную картину. Однако тем не менее европейцы при виде этих хищных лиц, этих свирепых, пристальных взглядов и слыша эти резкие гортанные и носовые звуки, пожалуй, вообразили себе, что видят перед собою толпу демонов.

Один за других, по мере того как ими овладевал сон, индейцы завертывались в свои длинные одеяла с разноцветным полосатым рисунком и вытягивались прямо на земле, где придется. Только весьма немногие сибариты подкладывали под голову заранее изысканный, заготовленный камень, служивший им подушкой. Вскоре не спал только один человек в лагере, оставаясь на страже порученных ему лошадей. Вооруженный копьем, он стоял неподвижно и

только слегка, особым образом, посвистывал, когда кто-либо из вверенных его охране животных намеревался погрызться с другим. Наконец, и Хоцитл ушла в хижину, на пороге которой улегся Тейтли, поместив под голову седло, на котором положено было одеяло. В воздухе не было ни малейшего ветерка, и потому тишина была полная, нарушаемая только легким шумом зубов лошадей, пощипывающих траву, так что Тейтли уснул через несколько минут.

Но вдруг он внезапно проснулся. Разбудил его по всей вероятности какой-то странный шум. Одновременно с ним проснулось несколько индейцев. Все повернули головы в ту сторону, где стоял стороживший лошадей воин. Опираясь на копье, он безмятежно любовался звездами. Но вдруг пронесся глухой шум, и сильный порыв ветра с юга зашумел в верхних ветвях деревьев.

– Задует Тегуантепек, – прошептал, поднимаясь, Тейтли.

Он тотчас подошел к костру, взял пылающую головню и понес ее к костру, сложенному на краю пригорка. Зарево этого костра предназначалось для освещения волн морских до самого того места, где находился корабль. Пламя разрасталось очень быстро, и Тейтли расхаживал вдоль костра, прислушиваясь к прибою волн, с каждой минутой становившемуся все сильнее и грознее. Зловещий скрип и треск, доносившийся из леса, смешивался с неистовым воем волн, разбивавшихся о береговые скалы.

Индейцы один за другим ушли от старого костра, находившегося очень близко от леса, деревья которого при всяком порыве ветра грозили обрушиться на спящих. Вдруг из хижины вышла Хоцитл и стала испуганно озираться. Увидев наконец Тейтли, она побежала к нему и, волнуясь и дрожа, бросилась ему на руки.

– Что с тобой? Что с тобой, мой дорогой цветок? – спросил ее Тейтли, заметив, что она сильно была встревожена. – Неужели ты так боишься урагана?

– Нет! – отвечала она рыдая. – Нет, я не боюсь! Но мне приснился сон...

Вдруг она внезапно замолкла и, приложив палец к губам, сказала:

– Ты слышишь?

Со стороны моря, казалось, доносился неясный гул человеческих голосов, как бы звавших на помощь; но этот шум был заглушен свистом ветра в лесу и воем волн.

– Ты слышал, Тейтли?

– Да, слышал; это ламантины воют там, на берегу. Разве тебе на приходилось часто слышать их стоны?

– Нет, те стоны, которые мне слышались, вовсе не стоны ламантинов, – возразила молодая женщина. – Это скорее крики путешественников на судне, застрявшем на Скорпионах.

– Да что тебе они?

– Во сне, который мне только что приснился, – отвечала индианка, – ты, страшно бледный, лежал на земле с кровавой раной на груди, а люди, лиц которых я не распознала, стояли над тобой и плакали. Тейтли, надо спасти этих несчастных.

– Это невозможно!

– Для тебя, Тейтли, нет ничего невозможного; ты знаешь слова, изгоняющие всякие печали и болезни. Ты умеешь, когда захочешь, заставить отступить самую смерть. Спаси этих людей.

– Значит, ты забываешь, дитя мое, что они враги нашего племени. Ты забываешь, что, попадись ты им в руки, они убили бы тебя, не пощадив твою молодость и красоту!

– Мне снилось, будто я держала тебя в объятиях; ты истекал кровью, она лилась на мое сердце, и я задыхалась. Я так рада, что вижу тебя рядом с собой живого и здорового. Я так рада, что мне хотелось бы всем помочь, избавить всех от страданий! Я с ужасом думаю об этих людях, которым грозит неизбежная гибель, но уже не во сне, а наяву.

– Но пойми же, Хоцитл, что мне невозможно оказать им помощь. Если бы даже у меня была лодка, – и в таком случае немислимо пробраться среди Скорпионов не только ночью,

в бурю, но и среди дня, при совершенно тихой погоде, пройти среди подводных скал невозможно. Миктантеуктли, мрачный бог тьмы, требует жизнь этих чужеземцев; предоставим Миктантеуктли делать то, что ему угодно.

Хоцитл, спрятав голову на груди воина, снова горько заплакала. Он ласково и кротко успокаивал ее, уговаривая ее идти обратно в хижину, куда сам хотел проводить ее. Но Хоцитл возразила:

– Нет, я не пойду, так как все равно не в состоянии буду уснуть.

Она повела его к выступу пригорка впереди костра, громадное пламя которого изредка ярко освещало отдаленные волны. Хоцитл, плотно прижавшаяся к мужу, все-таки сильно дрожала.

– Откуда у тебя явилась такая слабость, такое взволнованное состояние? До сих пор ты всегда была такая отважная и ничего не боялась.

– Все это произошло вследствие сна, во время которого я видела тебя таким бледным, с закрытыми глазами и кровавой раной в груди.

– Но ведь это было только не что иное, как сон!

– Он и теперь, наяву, меня неотступно преследует, – возразила молодая женщина. – Вот эти там перед нами, затерянные среди мрака и волн, быть может, тоже имеют любящих жен. Отныне они тщетно будут поджидать своих мужей, и глаза их больше не увидят тех. В былое время, в палатке отца своего, я о подобных вещах и не помышляла; это ты, Тейтли, выучил меня рассуждать и размышлять. За исключением битвы, ты не любишь видеть страдания; ты всегда заботливо относишься к больным и стараешься помочь им. В прериях тебя любят не только потому, что ты храбр, но также потому, что добр. Ты выучил меня тому, что называется участием к страданиям, и я люблю тебя за твою отзывчивость.

– Но только не по отношению к белым, Хоцитл!

– Нет! Ко всем тварям, одаренным жизнью! – возразила молодая женщина. – Ты никогда не позволял детям мучить животных в твоем присутствии, будь это не только бабочка, но даже змея.

Говоря это, Хоцитл постоянно взглядывала на море. Вдруг она внезапно смолкла. Вдали, на гребне высокой волны, озаренной в эту минуту заревом пламени костра, она увидела лодку, переполненную людьми. Казалось ли ей это, или на самом деле вдали, в волнах была лодка, но это видение, сопровождаемое отчаянными криками, длилось несколько секунд, и вслед за тем ничего не было ни видно, ни слышно. Несомненно, что и Тейтли видел то самое, что и его жена, так как она почувствовала, как вздрогнул ее муж.

– Ты видел? Ты слышал? – спросила Хоцитл.

– Да! – отвечал Тейтли. – Буря завершила свое дело. Мы ничем не в силах были помочь этим несчастным. Тэотл, верховный владыка, решил их судьбу: по его повелению дуют ветры и вздымаются волны.

Ласково, но почти насильно он увел Хоцитл подальше от костра, хотя та и противилась этому. Он усадил ее и сел около, нежными речами старался развлечь и заставить забыть об ужасном видении погибнувших людей. По счастью, если взрывы тегуантепекского ветра ужасны и внезапны, то зато они большей частью очень непродолжительны. Буря начала стихать; удары волн стали реже и слабее, и Хоцитл мало-помалу уснула, чувствуя на себе покровительственный взор любящего мужа.

Наступал рассвет, когда она открыла глаза. Хоцитл ласково улыбнулась склонившемуся над ней Тейтли. Но тотчас все вспомнив, она вскочила и побежала к окраине пригорка, где уже стояло несколько воинов. Море, еще грозно ревушее, катило пенящиеся волны к берегу, и ужасные остроконечья подводных камней, носивших страшное имя Скорпионы, покрытые в тихую погоду водой, выступали теперь мрачными черными пятнами среди бурного моря. На

горизонте нигде не видно было никаких следов шхуны, но то здесь, то там, носимые волнами обломки не оставляли никакого сомнения в том, что произошло ужасное кораблекрушение.

Уже несколько индейцев бродили по берегу. Идя вдоль скал, они с жадностью смотрели на ящики, носившиеся по волнам. Вдруг один из дикарей, поворачивая за выступ скалы, вскрикнул, подавая призывный знак, и тотчас несколько человек бросились к нему.

Через несколько минут Хоцитл услышала громкие возгласы и, поспешив к окраине пригорка, увидела там своих соплеменников, угрожающих охотничьими ножами двум чужестранцам, прислонившимся к уступу скалы. Эти люди, одетые в парусиновые панталоны и шерстяные матросские рубашки, вооружившись обломками толстых древесных ветвей, готовы были к отчаянному сопротивлению и, ловко размахивая своими палками, держали индейцев в почтительном отдалении. Однако некоторые из воинов взяли уже за свои луки. В этот момент раздался голос Хоцитл:

– Тейтли не желает гибели этих людей.

Мицтеки, несколько отступив, развернули свои арканы, захваченные в надежде поймать какие-либо вещи из разбитого судна. Засвистели эти ужасные лассо, и одно из них, несмотря на ловкие скачки и усилия руками отстранить веревку, обвилось вокруг спины одного из потерпевших кораблекрушение и лишило его возможности действовать руками. Туземцам пришлось несколько раз со всей силы дернуть лассо, чтобы свалить этого матроса, который, даже лежа на песке, энергично отбивался от бросившихся на него. Его товарищ, размахивая своей палкой, отогнал индейцев, желая его освободить от петли и в то же время ловко уклоняясь, несколько раз избегнул брошенных в него арканов. Но все это было бесполезно, так как снова летели арканы, и один из них стянул руки защищавшегося и отбросил его на песок.

Когда Хоцитл и Тейтли, которого так призвала, подошли к берегу, оба пленника были уже крепко связаны. Один из них был человеком около пятидесяти лет, с голубыми глазами, седоватыми волосами и бородой, с носом, сильно вздернутым, как у философа Сократа. Другой был молодой человек, гладковыбритый, круглоголовый, с чрезвычайно располагающими чертами лица, а также с идеальным телосложением. При приближении Тейтли и Хоцитл индейцы почтительно расступились.

– Кто вы такие? – по-испански спросил пленников Тейтли.

– Мы потерпели кораблекрушение, – отвечал старший из двух матросов. – Мы люди, не желающие причинить кому-либо ущерб, и умоляем о помощи, а с нами обращаются, как с врагами.

– Вы одни только спаслись?

При этом вопросе Тейтли лица обоих пленников омрачились, и на глазах показались слезы; старший матрос отвечал:

– Вчера на палубе «Ласточки» было десять человек, а теперь...

Голос говорившего оборвался от сдавивших его горло рыданий.

– Мы не знаем, предводитель, – продолжал он, – кто из наших спутников остался в живых. Лодка, на которой мы, когда судно, наскочив на скалу, внезапно разбилось, пытались добраться до берега, опрокинулась на половине пути. Четко не сознавая, каким образом, но мы очутились в нескольких кабельтовых отсюда, мой товарищ спиной на ракушках и ногами в моей стихии, то есть хочу сказать, в воде. Что касается наших товарищей, только что мы пошли их разыскивать, как нас окружили твои воины, отвечая острием ножей на наши приветствия. Клянусь Христом, мы вовсе не хотели вступать в борьбу, а защищались только инстинктивно.

По просьбе Хоцитл Тейтли приказал развязать ноги пленников и отвести их к костру, причем потребовал, чтобы с ними обращались хорошо и не оскорбляли их, пока он не решил их участь.

Когда ноги их освободили от веревок и Летающая Рыба пригласил их знаком следовать за собою, оба матроса не тронулись с места.

– Оставь нас на свободе, предводитель! – умоляющим голосом сказал старший из них. – Мы не в состоянии сделать тебе какой-либо вред, и, конечно, без твоего согласия нам невозможно поднять паруса, то есть я хочу сказать, уйти отсюда. Наконец, если нужно дать клятву остаться в трюме, то есть не делать попыток к бегству, то мы, понятно, на это готовы. Мы хотим разыскать наших товарищей; если, по несчастью, нам не удастся найти их в живых, то по крайней мере мы предохраним их от челюстей крабов и клювов хищных птиц. Когда мы исполним это дело, тогда делай с нами, что пожелаешь, так как, по-моему, я пожил на свете вполне достаточно.

По-видимому, грустный тон потерпевшего крушение и в особенности его последние слова произвели впечатление на Тейтли. Он что-то сказал индейцам, и те удалились, не обращая больше никакого внимания на пленников. Ушел также Тейтли вместе с Хоцитл.

Когда матросы остались одни, старший, обратившись к молодому, сказал ему:

– Если ты желаешь знать мое мнение, Бильбо, так я скажу его тотчас.

А вот что, малый, мое мнение, несмотря на то что в течение сорока восьми часов все наши приключения, по-видимому, указывают на противоположное, это что Бог справедлив и всегда прав. А поэтому, прежде чем мы будем скальпированы или приготовлены для съедения под тем или иным соусом, мы увидим капитана Рауля и мадмуазель Валентину... то есть я хотел сказать, жену его... спасенными и здоровыми.

Молодой матрос покачал своей круглой головой. В виде ответа он вытянул свою правую руку, насколько это позволяла связывающая ее веревка, посмотрел вверх, и улыбка показалась на лице его. Но вдруг оба внезапно начали прислушиваться. Раздались крики индейцев, находившихся за уступом скалы и не видных нашим матросам. Вероятно, они заметили какую-либо новую добычу, и пленники с ужасом думали о том, какого рода могла быть эта добыча.

Глава III Раненый

В тот момент, когда оба матроса со страхом совещались, Тейтли быстрыми шагами направился к дереву, находившемуся в двадцати пяти сажнях от берега. Собравшиеся толпой в этом месте индейцы испускали эти странные и резкие гортанные звуки, которыми они выражают как радость, так и гнев или изумление. Молодой человек с красивыми и правильными чертами лица, вьющимися волосами и такими же черными усами сидел на земле, прислонившись спиной к стволу дерева. Около него стояла молодая женщина, одетая в платье из темной материи. Волосы ее были распущены, в руках она держала большие камни, брови грозно сдвинуты, поза была угрожающая и энергичная. А глаза ее зорко следили за движениями окружающих ее индейцев. Тейтли, приказав замолчать своим воинам, обратился к ней по-испански:

– Успокойся, никто тебе никакого зла не сделает.

Молодой человек сделал отчаянное усилие, желая подняться, но тотчас упал, сильно побледнев от боли.

– Ах! – вскричал он с отчаянием в голосе, выражаясь по-французски. – Это ужасно, что я не в силах защищать тебя. Валентина, дорогая жена моя, стань как можно ближе ко мне!

Несмотря на успокоительные слова Тейтли, молодая женщина грозно и недоверчиво озиралась вокруг и продолжала стоять в угрожающей позе.

В это время подошедшая Хоцитл ласковым голосом обратилась к ней, говоря по-испански:

– Тейтли – предводитель, и каждое его слово верно, как клятва. Он сказал, что зла тебе не сделают, и ему необходимо верить.

Услышав этот ласковый, приятно звучащий голос, Валентина, как только что назвал ее муж, повернула голову к говорившей и тотчас догадалась, к какому полу она принадлежит, несмотря на свое мужское одеяние. Изумленная приятным голосом и симпатичными чертами лица молодой индианки, Валентина с умоляющим видом протянула к ней руки, сказав:

– Умоляю тебя именем твоей матери, мужа и детей твоих, не позволяй дурно обращаться с этим раненым. Он друг индейцев.

– Успокойся и не бойся нас. Тейтли умеет излечивать раны. Покажи ему свои увечья, – обратилась Хоцитл к молодому человеку.

Валентина и ее муж, опасаясь друг за друга, молчали, недоверчиво следя за всеми движениями индейцев, коварство, хитрость и жестокость которых им слишком хорошо были известны. Однако кроткое и ласковое выражение лица молодой индианки и дружеские ее слова заглушили в муже и жене опасения, внушаемые индейцами, которые, впрочем, с того момента, когда заговорил Тейтли, отошли в сторону. Вскоре все внимание раненого и его жены сосредоточилось на Тейтли, суровое лицо которого ничем не напоминало лица мицтеков. Работа мысли видна была на его широком лбу и в умных глазах, и все движения его не были так неловки и угловаты, как движения дикарей прерий.

– Я должен тебе сказать, предводитель, что моя жена сказала тебе правду: действительно, мы друзья индейцев.

– Как ты ранен? – спросил молодого человека Тейтли.

– Мне кажется, что я вывихнул ногу.

– А вот я посмотрю, – сказал предводитель, приближаясь к Раулю.

Валентина инстинктивным движением стала между предводителем и мужем. Хоцитл подошла к ней, обняла ее и, ласково улыбаясь, хотела отстранить. Валентина, несколько выше ее ростом, обхватила ее голову руками, пристально всматриваясь в ее глаза и горячо поцеловала ее в лоб.

– Можешь довериться, Рауль! – сказала Валентина, обращаясь к мужу.

Внимательно наблюдаемый мицтеками, любопытство которых было сильно возбуждено, Тейтли опустился на колени перед раненым и, сняв с него обувь, тщательно осматривал его опухшие ноги.

– Все цело, ничего не сломано и не вывихнуто, а только сильно помято и поцарапано. Нужен только покой и ничего более. Ты, вероятно, прыгнул?

– Нет! – ответил Рауль. – Но в эту ужасную прошлую ночь среди подводных скал, вынужденный поддерживать жену, которой ее платье мешало плавать, я обо что-то ударился ногами и заметил это, только когда доплыл до берега. Оказалось, что я ходить не мог, так что сюда я дополз.

– Капитан твоего корабля неужели был так неопытен, что не знал о существовании подводных камней Скорпионов?

– Я знал эти камни, – ответил молодой человек, – и чувствовал приближение урагана, уничтожившего мою бедную «Ласточку». Но дело в том, что в море, почти на три мили расстояния, существуют особые течения и водовороты, никем из мореплавателей не отмеченных на карте. Благодаря легкости моей шхуны мне, конечно, удалось бы избежать подводных камней, но наступивший штиль сделал невозможным движение корабля, и если бы ураган... Так же точно, как и моему бедному отцу, – добавил молодой капитан грустным голосом, – мне приходится теперь оплакивать смерть нескольких добрых и честных людей, доверивших мне свою жизнь...

– Двое из твоих спутников находятся там, за этим утесом, – сказал Тейтли.

– Как их зовут? – одновременно воскликнули муж и жена.

– Имен их я не знаю, но один из них невысокого роста с поседевшей бородой, а другой – молодой человек, гладковыбритый.

– Матюрен и Бильбоке! – произнес Рауль, взглянув на жену, на глаза которой выступили слезы.

Как-то нерешительно и впервые с чувством страха Валентина спросила, обратившись к предводителю:

– Так их только двое?

– Двое!

– Несчастный Пьер! Несчастный Жан! – печально прошептала молодая женщина.

Тейтли подозвал индейцев и довольно долго говорил с ними. По-видимому, все с одобрением отнеслись к тому, что он говорил, и как только тот замолк, двое из толпы отделились и почтительно подойдя к раненому подняли его и понесли на руках, сопровождаемые шедшей рядом Валентиной. Когда повернули за холм, то встретили Матюрена и Бильбоке. При виде капитана и его жены оба матроса радостно вскочили и бросились к ним. Матюрен плакал, а Бильбоке весело и громко смеялся. Как один, так и другой, хоть и по-разному, но одинаково сильно выражали свое чувство.

– Надеюсь, капитан, что нет серьезных аварий? – сказал Матюрен, вглядываясь в Рауля.

– Кажется, друг мой, что нет!

– Первый раз в жизни я оказываюсь связанным, и мне до сих пор никогда мысль не приходила, до такой степени это неудобно, лишиться возможности распоряжаться своими руками.

– Я тоже такого же мнения, – поддержал Бильбоке, энергично встрепенувшийся всем телом.

Точно поняв желание обоих матросов, подошел к ним Тейтли, и сам развязал путы. Матюрен тотчас же подбежал к Валентине и поцеловал ей руки, а Бильбоке, к великому изумлению дикарей и Тейтли, сделал такое движение рукой, как будто бы подбрасывал вверх какой-то предмет и подхватывал его обратно. Это он всегда проделывал в важных случаях, выражая этим как радость, так и огорчение.

Привычку эту он усвоил еще в то время, когда поступил юнгой на корабль, где служил матросом его крестный отец и опекун Матюрен.

Несшие раненого осторожно взобрались с берега на пригорок и положили молодого капитана на землю около той хижины, где ночью спала Хоцитл.

Четверо потерявших кораблекрушение, оставшись одни, снова пожимали друг другу руки и расспрашивали о судьбе своих спутников, увидеть которых они еще не теряли надежды. Все спасенные были очень печальны, вполне осознавая свое ужасное положение, так как, спасшись от смерти, они все-таки попали в руки диких индейцев, которые если даже пощадят их жизнь, то, возможно, обрекут на более тяжкое, чем смерть, а именно, рабство. В это время Тейтли говорил с мицтеками, собравшимися около костра, и в его речи часто слышалось имя Тецкатлипока. Он возвещал воинам, что пленники предназначались для принесения в жертву на алтарях этого божества, которое почитается индейцами как творец неба и земли, хотя они почитали еще более древнее божество Гуицлипохтли, кровожадного бога битв. Посвященные Тецкатлипоке каким-либо предводителем с того момента пленники признавались не только неприкосновенными и не подвергались каким бы то ни было оскорблениям или дурному обращению, но даже в течение целого года они окружались особым почетом со стороны всех индейцев, так как признавались принадлежащими только Богу.

– Ну что же, довольна ты? – спросил Тейтли после разговора с воинами, обратившись к Хоцитл.

– Да! – радостно улыбаясь, отвечала молодая женщина. – Ты обратил мрак моего сна в яркий свет! Благодарю тебя! Я люблю тебя! – добавила она, глядя на Тейтли с глубокой нежностью.

Он крепко поцеловал ее и после этого, взяв с собою Черного Коршуна, отправился в лес вдоль ручья. Тейтли нарвал на берегу какое-то растение с широкими листьями, возвратился в стан, обернул этими листьями ноги Рауля, сказав Валентине, чтобы она утром и вечером заменяла листья свежими.

Уже уходя, он вдруг как бы неожиданно спросил Рауля:

– Ты француз?

– Да! Я француз, – отвечал молодой человек.

– Куда же ты направлялся на своем корабле?

– В Тегуантепек!

– С какой целью?

– Это придется долго рассказывать.

Рауль, по-видимому, что-то обдумывал. Поглядев на него проницательным взором, Тейтли сказал:

– Я желаю знать только правду.

– Не потому я задумался, чтобы скрыть истину, – отвечал Рауль, – а только собирался с мыслями, чтобы точно и ясно ответить на твой вопрос. Как на западе, так и на востоке от страны твоей, предводитель, простираются два громадных океана, из которых один перед нашими глазами. За этими океанами находятся две обширные страны, нуждающиеся во взаимном обмене своих товаров.

– Мне это известно! – возразил Тейтли.

– Итак, чтобы отправиться морским путем от одной из этих стран в другую, необходимо добраться до крайней конечности земли, на которой мы стоим теперь, теряя целые месяцы на плавание среди подводных скал, еще более опасных, чем Скорпионы.

– Обогнуть мыс Горн – мне это неизвестно.

Рауль изумленно посмотрел на предводителя и снова ему пришлось в голову, до какой степени интеллигентным и своеобразным является этот человек. Молодой человек продолжал вдумчивым тоном:

– Так как ты все это знаешь, то, конечно, поймешь мою мысль. Мой отец, а также отец жены моей, были моряками, и чтобы избавить корабли от очень продолжительного и крайне опасного путешествия, они порешили доставить им возможность пересечь материк Америки. Они хотели, чтобы корабль, вышедший, например, из Китая, проходил по течению реки Тегу-антепек, а затем по течению реки Шималапа, а оттуда через реку Пазо доходил до устья Гоатцакоалько...

– Это несбыточные грезы, – прервал молодого человека Тейтли. – Между Пазо и Шималапа нет водного снабжения.

– А вот видишь ли, предводитель! – воскликнул Рауль. – Мой отец и отец моей жены задумали осуществить эти грезы и устроить водное сообщение между этими двумя реками. Они желали прорыть между ними канал, проходящий по долине, так что горы не служили бы препятствием. По несчастию, оба они, то есть как мой отец, так и отец моей жены, умерли на берегу Гоатцакоалько, не окончив задуманного ими дела.

– Вероятно, они погибли там от лихорадки? – спросил Тейтли.

– Нет, – печально отвечал Рауль. – Они погибли под пулями индейцев, которые, обманутые ложными сведениями и заблуждаясь относительно наших целей и намерений, полагали, что они стремятся лишить их независимости.

Молодой человек на несколько секунд замолк, очевидно под давлением тяжелых воспоминаний, а затем продолжал:

– Я и жена моя сопровождали по лесам и степям этих двух отважных мучеников, и на их могилах мы поклялись довершить задуманное ими дело или умереть, подобно им. Благодаря нам, как я надеюсь, тысячи жизней будут избавлены от преждевременной смерти, и наступят времена, когда цивилизация сделает плодотворными находящиеся перед нами пустыни.

– Цивилизация! – воскликнул Тейтли.

По-видимому, он хотел что-то возразить, но вдруг внезапно встал и подошел к краю пригорка и так же точно, как и тогда, когда пал его конь, начал неистово рассекать воздух ударами хлыста.

– Что с тобою? – озабоченно спросила подошедшая к нему Хоцитл.

– Надобно, чтобы эти белые были преданы смерти, – отвечал Тейтли. – Они наши враги.

– Неужели ты хочешь приказать их убить? – в ужасе вскричала молодая женщина.

– Нет! Еще не зная их намерений, разве я из желания угодить тебе не поставил их сам под покровительство Тецкатлипоки? Белые будут всегда врагами индейцев, могу тебе в этом поклясться, Хоцитл. Никогда не становись между ними и мною.

Индианка намерена была что-то возразить, но Тейтли остановил ее, сказав повелительно:

– Довольно! Я хочу есть, а после того уйду!

Молодая женщина, склонив голову, направилась к очагу. Через четверть часа она снова подошла к предводителю и кротко, ласковым голосом сказала ему:

– Приказание твое исполнено.

Тейтли, смотревший в это время на море, быстро повернулся, слышав ее голос, и увидел слезы на глазах девушки.

– Цветок! Цветок! Я не люблю видеть такой росы в твоих глазах! – воскликнул Тейтли, обнимая ее. – Скажи мне, какая причина твоих слез?

– Я, кажется, рассердила тебя, Тейтли?

– Нет, дитя мое! Я раздражен этими людьми, которые, если бы не ты, давно были бы уже преданы смерти.

– Значит, ты желаешь их убить?

– Нет! Я их пощадил ради тебя, так как не хочу тебя огорчать. Кроме того, они принадлежат Тецкатлипоке, и до тех пор, пока они находятся в нашей власти, они не могут нам навредить. Я решу их участь, когда мы возвратимся домой в нашу палатку.

Радостная улыбка осветила прелестные черты лица индианки. Несколько минут позднее она подавала мужу обед и в то же время приказала подать пищу пленникам, нисколько не подозревавшим, что рассказ капитана возбудил гнев предводителя, но крайне изумленных его отъездом. Но дело в том, что Рауль Лакруа, сын капитана, чье имя он носил, и его жена Валентина, дочь американского капитана Уарена, если усматривали те громадные выгоды, которые могли быть извлечены европейцами от прорытия канала, мысль о котором впервые явилась Фердинанду Кортесу, однако не хотели принять в соображение, что это должно было представиться большим несчастьем для индейцев, увидев, что их земли в сто раз сделаются дороже и они вынуждены войти в сношение с цивилизованным миром.

Было уже десять часов утра, когда Тейтли пил кофе. Ветер еще дул весьма сильно и далеко гнал мрачные тучи. Но море мало-помалу начинало успокаиваться, и волны уже не покрывали острые оконечности подводных скал. Поверх камней на волнах виднелись тюки, ящики, доски и всякие обломки. Все это было, как выражался, грустно поглядывая на место крушения старый Матюрен, перья бедной «Ласточки», которая не долгие, как еще вечером, легкая и быстрая, как птичка, оправдывая свое название, чуть касалась голубой глади поверхности моря.

Подвели четырех оседланных и в роскошной сбруе коней, и Хоцитл, тотчас подойдя к Валентине, спросила ее:

– Умеешь ли ты ездить верхом?

– Разве нас хотят разлучить? – воскликнула Валентина, ухватившись за руки мужа.

– Нет-нет! – отвечала индианка. – Но, послушай, дня через два сюда придут воины Тейтли. Твоего мужа поместят на носилки, и вы присоединитесь к нам.

– А ты уезжаешь? – печально спросила Валентина, так как сознавала, что молодая дикарка оказывает им постоянное покровительство.

– Не беспокойся! Ты и твои близкие принадлежите теперь Тецкатлипоке, и вы стали священны.

Валентина намеревалась спросить по этому поводу объяснения, но в этот момент Хоцитл позвал предводитель, и та поспешила к нему. Тейтли со всеми своими воинами осматривал лошадей. Он подхватил Хоцитл и, посадив ее на лошадь, тотчас же вскочил на другого коня.

– Моим сынам известна моя воля, – сказал он, обращаясь к окружавшим его индейцам, – если Летающая Рыба даст какое-либо приказание, то устами его будет говорить моя собственная душа, и мои сыны обязаны ему повиноваться.

В ответ на это послышались возгласы, высказавшие безусловную покорность и обещание повиновения.

Предшествуемые Черным Коршуном и еще другим всадником, Тейтли и Хоцитл двинулись вперед. Подъехав к опушке леса, он, повернув голову и взглянув на пленников, прошептал:

– Они должны умереть!

Взгляд его, полный ненависти, был отлично замечен Хоцитл, подумавшей как бы в ответ ему:

«Нет! Они будут жить!»

Глава IV

Печальные часы

Тотчас после отъезда Тейтли индейцы поспешили возвратиться к берегу моря, куда их привлекала надежда воспользоваться какими-либо остатками с погибшей шхуны. Один из воинов поместился около костра. Он сел, поднял ноги до самой груди, охватил их руками и уперся подбородком в колени. В этом положении, напоминая египетских богов, свойственным индейским племенам, он притворялся, всматривающимся то на огонь, то на индейца, охранявшего лошадей, а в действительности зорко наблюдал за пленниками.

Что касается Летающей Рыбы, нового предводителя оставшегося отряда, он лег на живот на краю пригорка и внимательно следил за поисками, производимыми его соплеменниками, рассыпавшимися по всему берегу.

Капитан Рауль прислонился к шалашу из ветвей, опираясь головой на плечо сидевшей около него жены. Матюрен и Бильбоке недалеко от супругов высказывали очередную радость, видя их живыми и здоровыми. Все потерпевшие крушение говорили очень мало, так как их критическое положение, понятно, вызывало их на глубокое размышление. Они настолько хорошо знали нравы и тактику индейцев, что отлично понимали то, что тот, кто, по-видимому, пристально всматривался в огонь костра и в стража коней, а также и этот самый охранитель лошадей, в сущности, зорко за ними наблюдают. Но тем не менее они были изумлены относительной свободой, им предоставленной. Однако, хотя и успокоенные лаской Хоцитл, люди не были уверены, кто их окружает. Те, кто просто ко всему равнодушен, или безжалостные враги? На одно из замечаний Матюрена по этому поводу Рауль сказал:

– Индейцы видят и знают, что я не в силах ходить, и убеждены, что вы меня не покинете, а следовательно, им нет основания опасаться нашего бегства. До сих пор с нами хорошо обращались, но на самом деле невозможно решить, какие намерения скрываются за этим кажущимся благодушием.

– На каждый день довольно насущных ежедневных забот; не следует далеко заглядывать вперед; нет надобности сразу распускать все паруса, – глубокомысленно заметил Матюрен. – А потому, капитан, мое мнение таково, что пока мы должны заботиться только о том, чтобы вы скорее выздоровели. Но все же я полагаю, что когда вы излечитесь, лучше вам притворяться хромым. Хотя мы и пленные, но по крайней мере на нас тогда не наденут пут, как на этих животных, пасущихся там на траве, и при удобном случае нам легче будет пуститься в открытое море, то есть, я хочу сказать, убежать.

– Ты забываешь, Матюрен, что у нас нет оружия.

– Я помню о том, – возразил старый матрос, – что глаз не спускаю с этого доброго малого, стерегущего коней и опирающегося на нечто вроде абордажной пики, особенности которой я изучаю. По-моему, три добрые палки основательной длины с наконечниками из заостренных камней не были бы такими уж безобидными игрушками в ваших руках, а также в моих руках, в особенности в руках Бильбоке. В крайнем случае, несмотря на то что конь никак не представляется мне знакомой стихией, я, не колеблясь, готов поднять паруса на спине такого животного, если уже необходимо будет торопиться. Заметьте, капитан, что в настоящий момент, если бы вы только в состоянии были бегать в десять прыжков, мы были бы уже в лесу, а это значило бы быть почти свободным.

– Да, Матюрен, все это так, но бегать я не в состоянии, – грустным тоном возразил Рауль.

Тягостное молчание наступило после этого разговора. Еще весь потрясенный гибелью своего корабля, потерей половины судовой команды, весь поглощенный сожалениями, досадой и зловещими опасениями, молодой капитан, кроме того, приходил в отчаяние, что не мог двигаться без посторонней помощи. Вот что он мог бы сделать, если бы какой-либо индеец

оскорбил Валентину, или если бы вздумали разлучить его с ней? Конечно, несомненно то, что Матюрен и Бильбоке будут ее защищать и готовы пожертвовать жизнью; но что можно предпринять без оружия против десяти неприятелей? Могли бы только умереть совершенно бессмысленно!

Не желая направиться тем же самым путем и натолкнуться в самом начале дела на индейцев, враждебность которых имела такие ужасные последствия для отца его, Рауль, вместо того, чтобы плыть по реке Гоатцакоалько, решил изучить реку Тегуантепек до предполагаемого места ее слияния с рекой Шималапа. Вдоль этой последней реки он, несомненно, мог бы найти ту долину, когда-то указанную испанскими инженерами Крамером и Коралем: долина эта была длиною в 26 километров, и поперек ее, если измерения, сделанные двумя вышеназванными учеными, были верны, нетрудно было прорыть канал. Если бы основательно изучить эту долину, то достаточно было добыть простую лодку или соорудить плот и по течению добраться до реки Пазо, до того места, где остановилась экспедиция капитана Лакруа, и очутиться в Атлантическом океане.

Когда его проект был одобрен Валентиной, воодушевленный той же самой идеей, как и он, Рауль почти доехал через год после женитьбы до Веракруса, пересек Мексику по всем ее наиболее цивилизованным частям и достигнул гавани Акапулько. Там он приобрел судно «Ласточка», на которой в числе судового экипажа, помимо Матюрена и Бильбоке, бывших матросами у капитана Лакруа, значились еще два канадца – Жан и Пьер, сопровождавшие капитана Уарена во всех его путешествиях, и еще шесть американцев, привыкших ко всяким опасностям жизни в пустынях. Но вот после счастливого плавания, тогда, когда он уже почти достиг порта Акапулько, маленький корабль разбился на подводных скалах, названных Скорпионами, и погибли оружие, инструменты, заметки, карты и часть имущества владельцев судна, не считая уже непоправимой гибели восьми матросов. Оставшиеся в живых, никогда не предполагавшие, что подобное несчастье может их постигнуть, находились теперь в руках диких индейцев, и участь их всецело зависела от них, а те были гораздо опаснее своих соплеменников на берегах Гоатцакоалько. Мучимого воспоминаниями о прошлом и страшной неизвестностью относительно нынешнего своего положения, в воображении Рауля, находившегося постоянно в лихорадочном состоянии, возникали окровавленные тени его отца и отца Валентины и, казалось, звали к себе. Было ли это предзнаменованием? Он и его отважная спутница неужели действительно должны были погибнуть, только что начав жить друг для друга, полные сил и надежды? Все это вызывало отчаяние; молодой человек содрогался от ужаса. Валентина, в свою очередь, с большим трудом скрывала те муки, которыми страдало ее бедное сердце! После ужасных потрясений кораблекрушения, чудом спасенные из яростных волн изумительным хладнокровием своего мужа, лишь в тот момент, когда она горячо благодарила его за свое спасение, то заметила, что он ранен. Едва рассвело, вместо друзей, которых она надеялась встретить, вдруг внезапно впереди возникли индейцы. Все эти испытания, быстро следуя одно за другим, вызывали страшную нервность и болезненную впечатлительность в молодых супругах, которые не спали уже около сорока восьми часов. Уцелевшие чувствовали себя совсем разбитыми, лишенными всяких надежд и сожалели только о том, что не разделили участи своих погибших в волнах матросов. Они тогда бы по крайней мере умерли все вместе и не подверглись бы плену, ужасному рабству и утонченным истязаниям, которым из своей ненависти к белым подвергают индейцы попавшихся в их руки европейцев. Однако, по счастью, оба супруга крепко уснули.

Матюрен и Бильбоке, хотя и были встревожены и печальны, но нисколько не теряли сил физических и нравственных. Кораблекрушение для них не было каким-то необычным ужасным происшествием. Самое важное для них было то, что два существа, которых они искренно и сильно любили, остались в живых. Конечно, как это и говорил недавно Матюрен, Провидение послало им неблагоприятные губительные ветры, но все-таки они остались способными продолжать плавание, что стоило благодарственных молитв Св. Деве – спасительнице и заступнице

моряков. Мало-помалу оба матроса, молчавшие из опасения потревожить сон капитана и его жены, почувствовав, что глаза их совсем смыкаются, растянулись на траве и уснули богатырским сном.

Первым проснулся Матюрен. Он увидел, что солнце было уже близко к полудню и ветра почти вовсе не было. Как и в тот момент, когда им овладел сон, так и теперь он увидел индейца, сидевшего на корточках у костра, и другого, стоявшего, опираясь на пику около коней. Оба они имели вид окаменелых. Летающая Рыба по-прежнему лежал на пригорке и смотрел на море. Осторожно поднявшись и став на ноги, Матюрен, слегка покачиваясь, точно на палубе судна во время качки, направился к костру. Когда он подошел к нему, индеец встал и почтительно поклонился, прижав к груди правую руку. Поклонившись в свою очередь, матрос сказал по-испански индейцу:

– Не в службу, а в дружбу, братец мой, так как я привык подчиняться уставу, я желал бы узнать, что нам дозволено и не дозволено в нашем теперешнем положении.

Индеец отвечал на это несколькими словами на языке мицтеков, затем, снова поклонившись, уселся в прежнем положении.

– Он, очевидно, очень вежлив, – заметил Матюрен. – Однако ясно и то, что он меня или не понял, или понять не желает. Не смешно ли, что человек, это настолько разумное животное, что смогло изобрести трубку, из всех других животных не обладает общим естественным языком? Вот, например, я и этот славный парень; несмотря на то, что мы оба снабжены ушами и языком, мы стоим друг против друга как два глухонемых! Какое нелепое положение!

После таких философских рассуждений, слегка переваливаясь медленной походкой, матрос направился к краю пригорка, на котором лежал Летающая Рыба. Индеец при виде его встал и почтительно поклонился.

«Изумительно они вежливы, а между тем – дикари», – подумал Матюрен и вслед за тем повторил тот же самый вопрос, обращенный к индейцу, сидевшему у очага.

– Ты можешь идти, куда тебе угодно; ты совершенно свободен, – отвечал предводитель.

Матюрен с очевидным наслаждением расправил свои руки и ноги и, отчеканивая каждое слово, так как опасался ослышаться или неверно понять, осторожно поинтересовался:

– Следовательно, я могу пойти к берегу моря и в лес?

– Всюду, куда пожелаешь.

– Если этот обычай знаком в твоей стране, предводитель, то я с наслаждением пожал бы твою руку и, так как по всему заметно, что нам придется много месяцев прожить вместе, позволь мне назваться по имени – Матюрен!

– А меня – Летающая Рыба! – отвечал индеец.

Лицо Матюрена засияло, и в ответ он сказал:

– Вот это поистине хорошенькое имя. Это напоминает море! Да уже не моряк ли ты?

– Среди моего племени никто лучше меня не умеет управлять лодкой и плавать! – с горделивым видом ответил индеец.

Только что Матюрен, пришедший в отличное расположение духа, не справляясь о том, было ли или нет это в обычаях индейцев, намеревался крепко пожать руку индейца, как вдруг черты лица его омрачились, и он, полный печали, всматривался в берег моря. У самой скалы он заметил четыре трупа, в порядке расположенных один около другого на песке. Старый матрос поспешно направился к берегу, сопровождаемый Летающей Рыбой. Когда он проходил мимо индейцев, все они почтительно ему кланялись, но пленник не обращал на это никакого внимания, так как, беспокоясь и страшась, спешил к лежащим на берегу трупам. Подойдя к ним, они, облегченно вздохнув, воскликнул:

– Слава богу! Пьера и Жана здесь нет! Весьма возможно, что они еще живы!

Матрос стал на колени и прочел молитву. За ним с любопытным взором следили все мицтеки. Окончив молитву, Матюрен взял большую широкую раковину и усердно выкапывал

ею яму в песке. Летаящая Рыба объяснил индейцам цель работы матроса, и все тотчас принялись ревностно помогать ему в этом деле. Выкопав яму, Матюрен сложил в нее трупы и засыпал их песком, хотя осознавал, что это не помешает не только крабам, но и хищным животным добраться до тел.

Вдруг внезапно волны выбросили на берег сундук. Забравшись выше колена в воду, индейцы поспешно вынесли его из воды. Они старались разбить сундук, так как тот был заперт, но когда все попытки их остались тщетными, перенесли сундук к костру. Печально склонив голову, матрос возвратился к Бильбоке, которому он рассказывал о только что совершенном им погребении, и после маленького совещания оба они порешили ничего не говорить об этом капитану и жене его, так как это без пользы только еще более опечалило и огорчило бы их.

Бильбоке был крайне изумлен, узнав о том, что его крестному отцу никто не препятствовал уходить, куда ему вздумается. Желая испытать, будет ли он пользоваться такой же привилегией, он медленными шагами отправился к лошадям и приласкал некоторых из них и заметил, что индеец, охраняющий лошадей, никакого внимания на него не обращал. Ободренный этим, Бильбоке, неспешной вялой походкой направился в лес; тогда индеец, сидевший у очага, встал и последовал за ним, нисколько, впрочем, не препятствуя идти далее. Бильбоке, пройдя вдоль ручья, сорвал большую охапку листьев тростника, намереваясь из них плести шляпы.

Возвращаясь обратно к хижине, проходя по поляне, он встретил несколько всадников, почтительно ему кланявшихся и при этом произносивших слово: «Тецкатлипока».

Наконец проснулись Рауль и Валентина. Бильбоке рассказал им о своей прогулке в лес, почтительных поклонах индейцев и о странном слове, которое произносил каждый из кланяющихся.

– Тецкатлипока в религии древних мексиканцев был богом, представляющим собой Провидение, – сказал капитан. – В тот день, когда отдавали ему почести, то приносили человеческие жертвы, состоявшие из пленников, с которыми обращались хорошо и окружали почетом, так как на них смотрели, словно на живые изображения идола, у алтаря которого им предстояло быть убитыми в качестве жертв.

Хотя потерпевшие крушение сомневались, чтобы этот древний обычай еще и до сих пор существовал, но Валентине невольно припомнились некоторые слова Хоцитл. Однако, во всяком случае, как совершенно правильно высказал Матюрен, перед ними, для того, чтобы выбрать подходящий момент к побегу, был целый год, а это почти вечность.

Тем временем индейцы притащили к костру еще два сундука, из которых один был признан Валентиной, содержащий ее вещи. Матюрен, посланный для переговоров, пришел как раз в ту минуту, когда индейцы пытались большими камнями разбить сундуки. Но удары сыпались на прочную железную оковку и оказывались тщетными. Видя это, Матюрен посредством Летаящей Рыбы посоветовал им сосредоточить удары в том месте, где находился замок. Вскоре открылся один из сундуков, и из него выпали книги, документы, географические карты, которые сразу стали переходить из рук в руки любопытных дикарей. Между книгами матрос заметил дневник капитана Лакруа. Зная, до какой степени драгоценна эта рукопись, подняв его, Матюрену пришла удачная мысль, обратившись к Летаящей Рыбе, сказать:

– Это для Тейтли.

– Для Тейтли! – повторил предводитель.

Таким образом драгоценная тетрадка была спасена и отложена в сторону.

Каждый из мицтеков взял себе, что ему вздумалось, и тогда приступили к взлому другого сундука. Когда он был вскрыт, со всех сторон посыпались громкие радостные возгласы, так как в нем оказались различные принадлежности матросского одеяния: суконовые куртки, фланелевые рубашки, красного и голубого цвета бумазейные панталоны, пояса и башмаки. Забрав, что им было нужно, к великому удовольствию Матюрена, индейцы не помешали ему взять две пары матросского одеяния, в которых крайне нуждались как Бильбоке, так и Матюрен.

Затем приступили к взлому сундука, принадлежавшего Валентине. В нем было охотничье одеяние, всякое белье и коробочки, наполненные различными мелкими вещами, до такой степени необходимыми женщинам, а именно: щипчики, ножницы, иголки, булавки и прочие мелочи. И наконец, небольшая шкатулочка с драгоценными украшениями. При виде их восторг индейцев был безграничен. Нацепив на себя перстни, браслеты, ожерелья и серьги, они кричали и плясали от радости. Один небольшой несессер с зеркалом вызвал даже ссору между двумя индейцами, но Летающая Рыба положил ей конец, овладев несессером. Благодаря неопи-санной радости индейцев, возбужденных приобретением всех этих вещей и драгоценностей, Матюрену удалось сохранить для Валентины охотничий костюм и кое-какое белье. Когда молодая женщина узнала о разграблении своей шкатулки с драгоценностями, на глазах у нее показались слезы, так как многие из этих украшений представляли собой дорогие сердцу воспо-минания.

Окончив дележ вещей, четверо индейцев отправились в лес и вскоре принесли оттуда павлина. Жареное мясо этой птицы вместе с кукурузными лепешками составляло ужин индейцев. Когда наступила ночь, зажжен был костер между хижинкой и опушкой леса, и два индейца поместились часовыми около деревьев, стоя с луками наготове. Матюрен и Бильбоке, внося капитана в шалаш, улеглись на пороге.

На другой день, чуть взошло солнце, оба матроса понесли капитана к ручью, и там все трое занялись туалетом. Это занятие вскоре привлекло индейцев, смотревших на них с боль-шим любопытством, и даже с изумлением, объясняемых тем, что, по странному предрассудку, они, точно видя опасного врага в воде, всеми мерами, насколько возможно, избегают сопри-косновения с нею. Рауль, опустив ноги в воду, видимо наслаждался освежающей прохладой. Но вдруг со стороны хижины послышались громкие возгласы, и все взоры обратились к шалашу, из которого вышел стройный молодой человек довольно высокого роста в охотничьей куртке из старого сукна и обутый в высокие сапоги из мягкой кожи. В этом юноше индейцы поначалу не узнали Валентины, заменившей женское платье несравненно более удобным для хождения и езды по лесам и степям охотничьим костюмом, по счастью, припасенным от индейцев для нее Матюреном.

После завтрака, состоявшего из остатков вчерашнего павлина, куски которого для плен-ников жарил Бильбоке, трое индейцев оседлали коней и исчезли в лесу. Пятеро других индейцев пошли вдоль берега моря, куда за ними последовал Матюрен, а Бильбоке остался, заняв-шись плетением шляп. В течение ночи волнами моря выброшено было только несколько досок, пустых бочонков и кое-какие веревочные снасти. На какое возможно далекое расстояние Матюрен осматривал как поверхность, так и берег, но ничего не было видно. Старый матрос окончательно пришел к убеждению, что не только Жан и Пьер, преданные Валентине настолько же, как он и Бильбоке были преданы Раулю, но и все остальные, находившиеся на «Ласточке», погибли, равно как и само судно.

Это известие, о котором нельзя было не сообщить, сильно опечалило капитана и вызвало слезы жены его. Оба они еще более сознавали всю тягость своего положения. И находили, что их благоразумие и крайняя осторожность пошли не на пользу, а отлично придуманная и подготовленная цель всей их жизни окончательно погибла.

Но вдруг все индейцы собрались вместе и, по-видимому, прислушивались; затем броси-лись к своим любимым лошадям и быстро освободили их от пут. Вдали послышался глухой шум. Мицтеки тотчас вскочили в седла и вооружились луками. После нескольких минут ожи-дания, показавшихся томительными пленникам, не знавшим причины всех этих приготовле-ний, из леса показались три всадника, которые уехали утром, а за ними еще другие двадцать. Всадники, испуская восторженные крики, окружили Летающую Рыбу. Вскоре каждый из всад-ников, один за другим, пригнувшись к шее лошади, проскакали перед хижинкой, у порога кото-рой несколько испуганные стояли пленники. Некоторые из воинов, очевидно, восхищались

Валентиной, белая кожа которой, светло-русые волосы и мужской костюм приводили в восторг и изумление. У всех этих всадников позади седла на спине лошади был прикреплен большой выюк кукурузных лепешек. Все люди были одеты в куртки без рукавов и в кожаные панталоны, относительно новые и расшитые красными шнурками, а также серебряными и золотыми нитками самыми разнообразными и причудливыми узорами. Волосы индейцев были приподняты вверх и связаны в пучок на макушке, проткнутые поперек голубого цвета пером, представляющим собой военный символ Тейтли.

По знаку, поданному Летающей Рыбой, всадники сошли с лошадей и окружили его. Тот говорил им что-то, часто поглядывая в сторону пленников, так что очевидно было, что он сообщал им подробности о кораблекрушении и об их священном положении, так как в рассказе часто слышались имена Тейтли, Хоцитл и Тецкатлипока. Впрочем, новоприбывшие всадники были уже извещены об этих событиях тремя воинами, выехавшими утром им навстречу. Вскоре после этого они снова сели на лошадей, а Летающая Рыба подошел к хижине и спросил Валентину:

– Белая женщина, в силах ли ты будешь идти в прерии?

– Это мне вовсе не трудно, но каким образом туда попадет мой муж?

Индеец приказал привести коня и, обратившись к Матюрену и Бильбоке, сказал:

– Посадите на коня вашего начальника.

– Куда мы отправляемся? – спросил Рауль.

– Мы присоединяемся к Тейтли, – отвечал Летающая Рыба.

Молодой капитан был посажен на коня; рядом с ним шли Валентина, Бильбоке и Матюрен, бросив последний прощальный взор на светло-голубую, спокойную гладь моря, оказавшегося для них до такой степени пагубным. В лесу довольно трудно было пробираться, и приходилось принимать всевозможные меры предосторожности, чтобы не натолкнуться на пни и громадные ветви, валявшиеся всюду на пути. Через полчаса они вышли из лесу на обширную равнину и невольно вскрикнули от изумления, увидав на ней огромное число всадников, бросившихся к ним навстречу и оглашавших воздух воинственными возгласами.

Глава V

Проблеск надежды

Хотя в движениях этой громадной толпы воинов ничего не было враждебного, те напирали так сильно и такой сплоченной массой, что Летающая Рыба нашел нужным водворить порядок и приказал остановиться. Все повиновались и расступились. Так что пленники прошли между двумя рядами воинов, склонявшихся при их проходе, и подошли к палатке, сделанной из кожи, поставленной на незначительном пригорке.

Рауля осторожно сняли с седла и поместили на постель, приготовленную из свежей травы.

– Вот здесь твое жилище, – сказал Летающая Рыба, обращаясь к Валентине, – так приказала Хоцитл.

Часовые были поставлены предводителем вокруг палатки, но не столько для того, чтобы охранять жизнь пленников, а с целью оградить их от назойливого любопытства толпившихся вокруг индейцев, которые стремились поглядеть на жертвы, предназначенные Тецкатлипоку. Вскоре приблизился к пленникам главный жрец этого бога. Это был человек, одетый только в нижние панталоны, доходившие до колен. На плечах был накинут легкий плащ из хлопка черного цвета, на котором весьма неумелой рукой вышиты были желтыми нитками человеческие черепа, сердца и кости. Широкий нож, сделанный из стеклянного камня, которым он потрясал со свирепым видом, и затем маленький колпак на голове, украшенный пером, были главными отличительными признаками его обязанности жертвоприносителя, то есть палача. Волосы такой же длины, как у женщины, окрашенные красным цветом, наполовину закрывали лицо его. При виде пленников глаза дикаря засверкали; он расхаживал около них, оскаливая свои белоснежные зубы и испуская резкие отрывочные возгласы, точно хищный зверь, овладевший добычей. Вслед за тем, совершенно внезапно, жрец безмолвно надел на каждого из пленников ожерелье, составленное из нескольких рядов красных семян, к которому было прикреплено изображение бога. Вслед за тем жрец удалился непрерывно танцуя. После его ухода Матюрен хотел было снять с шеи надетое на него ожерелье, но Летающая Рыба, заметив это, воскликнул:

– погоди, не делай этого, если не хочешь быть убитым! Не снимайте эти ожерелья, видя их, никто не осмелится поднять на вас руку.

– Должно быть, это какой-то талисман? – спросил Матюрен, прищурился одним глазом и поглядывая на Бильбоке.

«Это смертный приговор! Но, по счастью, его исполнение не скоро!» – грустно улыбаясь, подумал Рауль.

Сидя на пороге палатки, пленники рассматривали огромную поляну, раскинувшуюся близ опушки леса. И, несмотря на печаль и беспокойство, они невольно засмотрелись на открывшееся перед ним действие. В двадцати, а может, более местах снята была трава, и там были устроены костры. По сторонам кони, невзрачные на вид, со спутанными передними ногами, спокойно пощипывали траву под охраной нескольких всадников, вооруженных длинными пиками. На некоторых индейцах красовались куртки без рукавов, другие же, в одних кожаных штанах, а некоторые в одних только хлопчатобумажных кальсонах ходили в лес и обратно, неся оттуда дрова и свежую воду в тыквенных сосудах. У многих из них пучок волос, связанный на макушке, был так густ и длинен, что волосы падали на лицо и покрывали его до половины, придавая вид каких-то демонов. За весьма малыми исключениями, у всех лица были без растительности, медного оттенка и лоснились. На ногах сандалии, а на боку висели длинные ножи в кожаных ножнах. Временами на поляне скакали всадники, держа в руках лук и управляя лошадей только ногами, а между тем они казались как бы прикованными к седлу.

Летающая Рыба, сев на поданного ему коня, объехал лагерь, что раскинулся неподалеку, раздавая приказания, которые тотчас исполнялись. Он распорядился сложить костер в двадцати шагах от палатки, около которого положили заднюю ногу серны, кукурузные лепешки и большой тыквенный сосуд, полный свежей воды. Предводитель объявил пленникам, что все это предназначено для них, и Бильбоке принялся выполнять обязанности повара.

– По правде тебе скажу, – заметил Матюрен, помогая своему крестнику готовить обед и поглядывая на группы индейцев, стоявших в некотором отдалении от них и с большим любопытством следивших за всеми движениями белых, – на кого только ни погляжу, все они напоминают мне нашего спутника по плаванию, этого несчастного Мизока.

– Не вам одному, крестный, приходит такая мысль в голову. Мне тоже это постоянно кажется, и даже до такой степени, что не раз я уже чуть было не подошел к любому из них, намереваясь пожать руку нашему Мизоку, точно забывая, что вот уже два года тому назад, как он навеки уснул на берегу реки Гоатцакоалько.

– Да! – печально отвечал Матюрен. – Ужасно подумать, сколько мертвых за какие-нибудь два года: капитан, командор, Мизок, Жан и Пьер, не считая уже нашу верную собаку Мирлитона, у которой в собачьем теле была душа превосходного человека. Хотя и предполагают, что у животных нет души, но я держусь противоположного мнения.

– Мирлитон был исключением из общего правила! – убежденным тоном возразил Бильбоке.

Тем временем жаркое было готово, и скромный обед пленников был весьма непродолжителен. После обеда Рауль и Валентина, задумчиво и печально погруженные в далеко не веселые мысли, рассеянно смотрели на заходящее солнце, окрасившее розовым цветом небо, землю, людей и деревья. Матюрен отправился походить по широко расстилавшейся равнине. Когда перед ним встали все индейцы, почтительно раскланиваясь, Матюрен, снимавший каждый раз шляпу, сплетенную ему Бильбоке, и усердно ею размахивавший в ответ на поклоны, подумал:

«Ну, будто я епископ! Оно, конечно, лестно, но все-таки ужасно утомительно!»

Но вдруг Матюрен внезапно остановился перед старым воином, голым до пояса, с грудью и спиной, покрытыми бесчисленными рубцами от ран. Старик сосредоточенно, с необычайно важным видом покуривал из трубки, сделанной из бамбуковой ветки. Лицо Матюрена все просияло; он с видимой завистью поглядывал на белые струи дыма. Эта трубка была, быть может, единственная во всем лагере, так как, несмотря на то, что предки их изобрели курение, современные индейцы Мексики почти совсем не курят.

– А? Ведь это очень вкусно? – обращаясь к курившему индейцу, сказал матрос, аппетитно пощелкивая языком о небо.

Однако по выражению лиц и глаз окружавших его воинов Матюрен догадался, что никто его не понял. Тогда он прибегнул к другому средству. Подойдя к курившему, он поднял руку, сделал ею движение, как будто держит воображаемую трубку, и шевелил губами точно выпускает дым. При этом, с наслаждением потирая себе живот рукой, он несколько раз повторил:

– Ах как хорошо!

Наконец он был понят. Индеец, встав, почтительно поклонился и подал ему свою трубку. Матюрен, без дальнейших церемоний торопливо схватив трубку, затянулся несколько раз с видимым наслаждением, однако проворчал:

– Старый краснокожий! Испортил свой табак, подмешал к нему ладан! Но так или иначе, а все-таки вкусно!

Затянувшись еще раз, Матюрен протянул трубку обратно индейцу; между тем старый воин отказался взять ее, и подошедший в это время Летающая Рыба сказал Матюрену:

– Он дарит тебе трубку.

– Как?... Дарит?... – радостно воскликнул матрос. – Ну, честное слово, что везде есть честные люди!

– Ты прав! – отвечал предводитель. – Нужно тебе знать, что этот Мизок – храбрец каких мало. Шнур на его волосах имеет уже двадцать шесть узлов – это число белых, убитых им пулями, стрелами и ножом.

Матюрен почувствовал, что мороз пробежал у него по коже, и поглядел на трубку недоверчиво, но тотчас же опомнился и с решительным видом, положив ее в карман, направился обратно к палатке. Проходя мимо сидевших повсюду кучками индейцев, он обратил внимание, что у всех без исключения были такие же шнурки с узлами, зловещее значение которых он только что узнал. Однако у редкого из воинов оказывалось более трех узлов.

– Быть может, этот старый черт дал мне свою трубку с намерением отобрать ее у меня на днях, убив меня ради еще одного узла на своем шнурке? – пробурчал матрос. – Ну, это еще посмотрим, удастся ли ему!

Ночь наступила, и индейцы улеглись спать у костров.

Небо было ясным; воздух теплый и влажный, и мертвое безмолвие нарушалось только легким топотом лошадиных копыт и плеском волн на песчаном берегу.

Около восьми часов вечера после продолжительной беседы, посвященной главным образом обсуждению средств и возможности освобождения из плена, потерпевшие крушение тоже задумали последовать примеру индейцев и предаться укрепляющему сну. Ноги Рауля приходили уже в прежнее состояние, опухоли почти не было, но все же, отправляясь в палатку, он опирался на руку жены.

Немного ранее восхода солнца пленники проснулись, разбуженные каким-то необычайным глухим гулом. Этот гул, несколько похожий на бой барабана при погребальной процессии, становился все громче и громче. То был сигнал, так как тотчас все индейцы повскакивали на ноги. С восходом солнца они уже сидели на конях, которые, будто радуясь, что им развязали путы, весело ржали, прыгали и взвивались на дыбы. Теперь, горячася и топая, животные и вовсе не имели того унылого вида, как вчера на пастьбе со спутанными ногами. Чтобы их успокоить, ловкие и искусные всадники пускали коней во весь опор, поднимая на всем скаку то горящую ветку, то какой-либо иной предмет или срывая цветок. Пленники с живым любопытством глядели на это всадничество. Вскоре они заметили приближение легких носилок из бамбука, отделанных изящной материей, вышитой золотыми и серебряными нитями. Пара белых лошадей везла эти носилки.

По приказанию Летающей Рыбы Матюрен и Бильбоке подняли Рауля и поместили того на подушках носилок.

Затем подвели Валентине небольшого коня с седлом, украшенным жемчугом и изумрудами. Молодая женщина, приглашенная предводителем сесть на лошадь, будучи очень искусной наездницей, быстро взобравшись, заставила животное танцевать и взвиваться на дыбы, а затем поехала около носилок мужа. Подвели также лошадей Матюрену и Бильбоке. Последний живо взобрался на седло, но Матюрен, недоверчиво поглядев на коня, отошел от него шага на два и, вдумчиво почесывая за ухом, подошел к Летающей Рыбе.

– Разве воспрещается идти пешком?

– Ничего не воспрещается! – отвечал предводитель. – Но каким же образом ты пойдешь пешком? Мы все будем ехать то вскачь, то рысью. Может, тебе лошадь не нравится?

– Лошадь-то мне не скажу чтобы не нравилась. Но взбираться на такую «палубу» я не умею. Мне раз в жизни пришлось испытать такого рода удовольствие. Хотя меня и уверяли, что никакая опасность не угрожает, пока я твердо буду держать руль, то есть я хотел сказать, поводья, однако не успел я отъехать на два кабельтовых от места, как уже потерпел кораблекрушение.

– Так ты не умеешь удержаться на лошади? – с сильным изумлением спросил индеец.

– Сознаюсь в этом, нисколько не стыдясь, – отвечал матрос. – Да я и раньше тебе уже говорил, что рожден на воде и для воды, и эту жидкость признаю своей естественной и родной стихией.

Летающая Рыба громко рассмеялся и затем, подумав немного, подозвал одного из всадников, которому отдал какое-то приказание, и сказал Матюрену:

– Будь спокоен, будет сделано как следует.

Моментально спина лошади была освобождена от множества имевшихся на ней выюков, и на их место четыре индейца усадили Матюрена, привязав его к поясу сидевшего на коне всадника, который тотчас пустил свою лошадь вскачь. Между тем носилки, прикрепленные к паре белых лошадей, в сопровождении Валентины и Бильбоке уже быстро двигались вперед вдоль долины. Сильно были изумлены и встревожены Рауль и Валентина, а еще более Бильбоке, когда увидели мчавшегося мимо них индейца, за спиной которого сидел Матюрен, для большей безопасности крепко обхвативший всадника обеими руками. Бильбоке в первую минуту хотел следовать за своим крестным, но тотчас опомнился, так как его долг был оставаться около капитана и его жены. Туча пыли поднялась над равниной, и место лагеря, такое оживленное со вчерашнего дня, стало снова пустынным и заброшенным.

Мицтеки, скакавшие во главе отряда, мчались как ветер, очевидно соперничая быстротой коней. Они ехали лесом к горам, повернувшись спиной к морю. Когда замечали, что далеко оставили за собою весь остальной отряд, ехали шагом, пока не настигала их отстающая часть отряда. Тогда снова мчалось впереди несколько всадников, вероятно, для разведки местности. Всадники, везшие носилки, продвигались умеренной рысью и замечательно ловко попадали в такт, так что покачивания были весьма незначительны, если сколько-нибудь почва оказывалась гладкой и не ухабистой. В арьергарде отряда человек двадцать индейцев окружили табун лошадей, часть из которых несли на себе легкие ящики, покрытые сухими кожами. Но большая часть коней ничем не была нагружена. Это были запасные лошади, на случай, если под всадником конь сломит ногу или что иное, тогда всадник мог выбрать себе любого коня, а бедное раненое животное покидалось на месте. В первые минуты оно силилось подняться и последовать за другими, но потом падало на землю, обессиленное, и, грустными глазами глядя на окружающих, испускало крик отчаяния.

Жара становилась невыносимой, и казалось изумительным, что эти дикари подвергались с обнаженными головами палящим лучам солнца. Но дело в том, что Провидение, все предусматривающее, снабдило их такой обильной растительностью на голове, которая благодаря, кроме того, особому способу уборки волос, предохраняла их от вредного воздействия солнца.

Около трех часов пополудни доехали до большого леса и расположились на отдых в лагере, уже приготовленном вырвавшимися вперед разведчиками. Лошадей повели под тень деревьев около небольшого озера и по прошествии некоторого времени, напоив их, снова отвели на поляну, где, спутав ноги, предоставили свободу пастись, где угодно. Палатка была поставлена в несколько минут, и Бильбоке бросился разыскивать своего крестного. Но едва он прошел несколько шагов, как увидел, что Матюрен, прихрамывая, вышел из лесу, направляясь к палатке. Подойдя к крестнику, он спросил его:

– Все ли цело; все ли на месте в моем теле?

– Все цело, крестный, никакой поломки не заметно!

– Так вот, паренек, что я скажу тебе; это делает большую честь плотнику, построившему мое кренгование.

– Разве вы упали?

– Нет, здоровенный детина, к которому я пришвартовался, был точно привинчен к своему седлу. Что касается меня, так крепко сидя на корме, я не прижимался к мачте, меня валяло с штирборта на бакборт, и я подскакивал, точно карась на сковородке. Но зато я многое узнал в течение этой «навигации». Знаешь ли ты, куда мы направляемся?

– Присоединиться к этому предводителю, которого зовут Тейтли, взявшему нас, по-видимому, под свое покровительство.

– Ошибаешься, Бильбоке! Мы отправляемся на войну.

– На войну? Разве это вам сказал всадник, на крупе лошади которого вы сидели?

– Нет! Как и все ему подобные, он говорит только носом и выражается на таком жаргоне, что ровно ничего не разберешь. Нет! Сам господин Летающая Рыба сказал мне это. Вот уже могу сказать, что хоть дикарь, но этот человек весьма благовоспитанный. Каждый раз, как ему возможно было, он подъезжал к моему вознице и справлялся о моем здоровье. Не говоря уже о том, что этот милый человек не украшает свою голову отвратительным шнуром с узлами, о котором я уже тебе сообщал. Так вот, говорю же тебе, что сам Летающая Рыба ткнул меня носом в тот курс, которого мы держимся. Все эти воины, как они себя величают, отправляются к одной деревне, землю которой захватили белые, и ранее чем через неделю в этих окрестностях окажется немало разбитых черепов.

– Да и для нас, крестный, быть может, представится возможность вырваться на свободу.

– Я тоже такого мнения, и потому хочу об этой истории сказать два слова капитану.

Важное известие, доставленное Матюреном, было обсуждаемо в палатке целый день и даже часть вечера, когда уже давно спали все индейские воины.

Оно укрепило Валентину и восстановило бодрость духа ее мужа. Молодой капитан уже совсем оправился и мог твердо ступать, вследствие чего в нем заиграл прежний огонь. Сознание близости белых вселило убеждение, что далеко не все еще погибло.

На рассвете пленники были снова разбужены тем зловещим гулом, который они с таким изумлением слышали вчера, но не могли себе объяснить, чем он производится. На этот раз Бильбоке пробежал по лагерю, чтобы убедиться в причине гула, и увидел двух индейцев, вооруженных палками, которыми они беспрестанно и сильно колотили обеими руками по бокам громадного деревянного обрубка с пустотой внутри. На концах палочки были гуттаперчевыми. Этот инструмент, повсеместно распространенный задолго до прибытия испанцев, среди всех племен Мексики и называемый тепонастле, производил эти странные звуки, часто вызывающие сотрясение воздуха на полмили расстояния.

К великому огорчению Матюрена пустились в путь тем же способом, что и вчера. Но на этот раз злополучный матрос был привязан к поясу воина, подарившего ему трубку. Зловещий шнурок, на котором обозначены были великие подвиги индейца, частенько хлестал Матюрена по лицу, вызывая в нем страстное желание задушить воина, которого он крепко обхватил руками. После трехчасовой езды достигли подошвы горы, покрытой лесом, так что нередко проезд носилок становился крайне затруднительным. Вскоре с вершины холма Валентина увидела обширную длинную равнину, под которой протекала речка, а на берегах стояло множество хижин. Слышались издали радостные возгласы жителей, восторженно приветствовавших авангард явившихся им на помощь воинов. Через четверть часа после этого потерпевшие крушение проезжали между двумя рядами мужчин, женщин и детей и сошли с коней около палатки, у входа в которую стояла Хоцитл, а рядом Черный Коршун.

Глава VI Возмездие

Молодая индианка с любопытством и недоумением вглядывалась в Валентину в мужском костюме. Когда та сошла с коня и подошла ближе, Хоцитл ласково улыбнулась; Валентина, быстрым движением обняв и поцеловав ее, сказала, показывая на носилки, с которых Матюрен и Бильбоке снимали Рауля:

- Благодарю тебя от всей души за него.
- Надеюсь, он не очень страдал в дороге?
- Нет! Вовсе не страдал благодаря тебе.
- Может он ходить?
- Нет еще, но уже может держаться на ногах.

Хоцитл обменялась несколькими словами с Летающей Рыбой. Вслед за тем, подойдя к лошади, с которой сошла Валентина, подпруги и поводья уже были тщательно осмотрены Черным Коршуном, она резко вскочила на коня и, поклонившись пленникам, в сопровождении его и Летающей Рыбы, которому Матюрен успел пожать руку, уехала.

Молодая женщина некоторое время ехала над речонкой, берега которой были окаймлены рядом бамбуков, чьи ветви возвышались иногда до пятнадцати метров. Это гигантское злаковое растение, доставляющее индейцу не только материал для постройки жилищ, кроватей, стульев, столов и прочего, а также вещество, похожее на сахар, представляет собой растение, уходом за которым индеец более всего занимается. Говорят, как будто бы бамбук родом из Индии, но это неверно, так как в Мексике в самых глухих местах на берегах озер и болот вы встретите его дикорастущим.

Доехав до одного места, где речка несколько суживалась, Хоцитл принудила коня перепрыгнуть на противоположный берег, и тогда позвала к себе Летающую Рыбу. Она расспрашивала его обо всем, что происходило в ее отсутствие, и индеец в подробностях поведал ей о погребении утонувших матросов, о находке сундуков, разграблении их и, наконец о неожиданном превращении белой женщины в мужчину. Кроме того, с юмором рассказал о похождениях Матюрена на коне. Окончив свой рассказ, предводитель сказал убежденным тоном:

- Этот белый не может быть нашим врагом.
- А с чего ты так решил?

– По его словам и поступкам. Он всегда весел, смотрит открыто, прямо в лицо, за малейшую оказанную ему услугу тотчас благодарит, пожимая вам руку так сильно, как будто намерен ее раздавить, но все же у белых это весьма странный способ выражения дружбы.

- А его товарищ?

– Его товарищ?.. – При этом Летающая Рыба на секунду умолк, точно колебался или обдумывал. – Его товарищ, как мне кажется, появившись на свет, оставил добрую часть своего ума у богов. Он так же редко говорит, как мой брат, и время от времени подбрасывает вверх какой-то невидимый предмет, а после того внимательно рассматривает свой большой палец. Идя пешком или сидя на коне, он только о том и заботится, чтобы выполнить малейшее желание своего начальника.

- А белая женщина?

– Блеск ее глаз волнует мужчин, на которых она обратит взор. Они блестят, как глаза львицы, когда подходят к ее мужу, и кротки, нежны, как глаза ребенка, когда ей помогают поддерживать супруга. Она была бы очень красива, если бы лицо ее не было так бледно, если бы солнце его озолотило немного своими лучами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.